

На правах рукописи

ЛЕОНТЬЕВА Елена Александровна

ТОЧКА ЗРЕНИЯ В НАРРАТИВЕ

**(на материале сопоставительного анализа современных русских
коротких рассказов и их переводов на немецкий язык)**

**Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Тюмень – 2005

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Тюменский государственный университет» на кафедре английского языка факультета романо-германской филологии.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Андреева Кира Алексеевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Азначеева Елена Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
Абиева Наталья Александровна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Тюльский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого»

Защита состоится 25 июня 2005 года в часов на заседании диссертационного совета К 212.274.05 при Тюменском государственном университете по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10, ауд. 211.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале информационно-библиотечного центра Тюменского государственного университета (625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 18).

Автореферат разослан мая 2005 года.

*Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент*

Сотникова Т.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Реферируемая диссертационная работа посвящается рассмотрению текстовой поэтической категории Точки Зрения (ТЗ) современного нарратива как многоуровневой лингво-художественной структуре.

АКТУАЛЬНОСТЬ исследования определяется недостаточной изученностью данной категории в отечественной поэтике и лингвистике, а также проблемами ее перевода на другие языки.

Выбор темы обусловлен следующими обстоятельствами. Прежде всего, необходимо отметить изменение направления лингвистических исследований, произошедшее за последние годы. Теория нарратива – нарратология – оформилась как самостоятельная научная дисциплина в 60-70-х гг. прошлого столетия, хотя своими корнями она восходит еще к «Поэтике» Аристотеля, а разработкой основных категорий обязана исследователям первой половины ХХв.: А.Н.Веселовскому, 1904; К.Фридеманн, 1910; В.Б.Шкловскому, 1919; П.Лаббоку, 1921; Б.В.Томашевскому, 1925; В.Я.Проппу, 1928; М.М.Бахтину, 1935 и др. Особую роль для современного состояния этой научной дисциплины сыграли труды М.Баль, Р.Барта, К.Бремона, А.-Ж.Греймаса, Л.Долежела, Ж.Женетта, Ц.Тодорова, С.Чэтмэна, В.Шмида и других, пытавшихся «во всей массе рассказов, существующих в мире», отыскать единую «повествовательную модель, ... на основе которой каждый конкретный рассказ рассматривался бы в терминах отклонений от этой базовой глубинной структуры»¹.

Изучение слова и предложения сменилось обращением к тексту, нарративу. Исследование нарратива получило в последние годы интенсивное развитие в гуманитарных науках, что «явилось следствием второй когнитивной революции»². Хотя основные представители нарратологии выявили и теоретически обосновали иерархию повествовательных инстанций и уровней, определяя специфику отношений между повествованием, рассказом и историей, и поставили вопрос о выделении базовых нарративных поэтических технологий, единство подходов к

---

¹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. С. 7.

² Попова Е.А. О лингвистике нарратива // ФН. – 2001. – №4. – С. 87

этим аспектам отсутствует. В рамках поэтики литературных нарративов исследователи разрабатывают такие основные технологии, как **ТЗ**: Г.А.Гуковский, 1959; М.М.Бахтин, 1963, 1979; В.В.Виноградов, 1971; Ж.Женетт, 1972; Ю.М.Лотман, 1970; Б.А.Успенский, 1970; Ц.Тодоров, 1977; Я.Линтфельт, 1981; В.Шмид, 1981, 1984, 1989, 2003; Дж.Принс, 1982, и мн. др.; **Голос**: М.М.Бахтин, 1963, 1979; У.Бут, 1968; П.Рикер, 1983; Е.В.Падучева, 1996; В.И.Тюпа, 2001, и др.; **Временную и Пространственную Перспективу**: М.М.Бахтин, 1963, 1979; Б.А.Успенский, 1970; Ж.Женетт, 1972; Г.Вайнрих, 1975; Ц.Тодоров, 1977; И.Р.Гальперин, 1981; В.Шмид 1982, 1989, 2003; П.Рикер, 1983; З.Я.Тураева, 1986; В.А.Кухаренко, 1988, и др. С помощью этих аналитических компонентов нарратологи пытаются ответить на вопросы: «что считается нарративом? что образует части нарратива, каким образом они соединяются в целое, и что заставляет нарратив «работать»? Однако, данные нарративные категории понимаются разными исследователями по-разному, что определяет **проблемность** и **особую актуальность** заявленной в диссертации темы.

Действительно, к исследуемой нами категории ТЗ, как к поэтической технологии, проявляется интерес отечественных и зарубежных авторов, однако, нам представляется перспективной возможность ее рассмотрения не только с позиции содержания ее базовых типов (внутренняя / внешняя, фиксированная / нефиксированная, единственная / множественная), но и с позиции **лингвистики нарратива** – относительно нового направления, разрабатываемого в нашей стране такими немногими учеными, как Е.В.Падучева и К.А.Андреева. Еще большую значимость данной теме придает изучение вопроса о предполагаемом **изоморфизме** плана содержания ТЗ в разных языках, в нашем случае – русского и немецкого, и **алломорфизме** плана ее выражения. Исследование именно этих аспектов, на наш взгляд, подчеркивает **необходимость и важность** данной работы.

Мы исходим из **ГИПОТЕЗЫ**, в соответствии с которой:

- ТЗ может рассматриваться как многоуровневая лингво-поэтическая структура, что обусловлено как ее содержательными характеристиками, так и различными способами ее лингвистической передачи;
- полная инвариантная передача лингвистической формы ТЗ нарратива-оригинала в переводе невозможна.

ОБЪЕКТОМ исследования являются современные русские литературные нарративы малой формы, относящиеся, преимущественно, к литературе постмодернизма, и их переводы на немецкий язык.

В качестве **ПРЕДМЕТА** исследования выступают функциональный потенциал грамматики нарратива, разноуровневая структура лингво-поэтической ТЗ и переводческие трансформации, передающие различные аспекты ТЗ.

МАТЕРИАЛОМ анализа послужили тексты 77 коротких рассказов таких современных русских авторов, как Г.Балл, А.Бартов, А.Гаврилов, Л.Горалик, Г.Сапгир, В.Соснора, В.Тучков, А.Уланов и А.Цветков, написанные в период с 1991 по 2002 гг., и переводы на немецкий язык 44 из этих произведений, выполненные Р.Титце, М.Д.Древсом и Б.Конрад и опубликованные в немецком литературном журнале «Akzente» (№5, 2003г.).

ЦЕЛЬЮ работы является описание модели поэтической и лингвистической структуры ТЗ современного русского нарратива и выявление влияния переводческих трансформаций на ее выражение.

В соответствии с целью диссертации мы поставили перед собой следующие **ЗАДАЧИ**:

- изучить направления, основные понятия и взгляды исследователей в области нарратологии, грамматики и поэтики нарратива;
- рассмотреть проблему определения ТЗ отечественными и зарубежными исследователями;
- дать дефиницию ТЗ как многоуровневой лингво-поэтической структуре;
- рассмотреть исследуемые нарративы, в частности ТЗ, с позиций текстовой грамматики и поэтики;

- провести сопоставление русского нарратива с его переводом на немецкий язык в плане выявления изоморфизма и алломорфизма на собственно текстовом, смысловом, морфологическом, синтаксическом и семантико-стилистическом уровнях;
- описать переводческие трансформации на указанных уровнях, установить вариативность в средствах лингвистического выражения и определить их влияние на ТЗ нарратива.

В работе использовались следующие **МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ АНАЛИЗА**:

- нарративный;
- сопоставительно-переводческий;
- компонентный;
- количественных подсчетов;
- общие приемы наблюдения, построенного на индукции: от анализа фактов, их сопоставления – к обобщениям и выводам.

НА ЗАЩИТУ ВЫНОСЯТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ:

- ТЗ является многоуровневой лингво-поэтической структурой, содержание которой включает пять поэтических планов – временной, пространственный, перцептивный, языковой и «идеологический», а выражением является лингвистическое, языковое оформление средств ее передачи.
- Лингвистическое выражение ТЗ представляет собой выбор языковых элементов и порядок их построения в нарративе, это «позиция» создателя текста, так как иными средствами и в иной конфигурации элементов нельзя передать смысл произведения.
- Вариативность лингвистического выражения ТЗ нарратива обусловлена переводческими смещениями на трансформационных уровнях: морфологическом, синтаксическом и семантико-стилистическом.
- Полная передача ТЗ нарратива-оригинала в переводе невозможна, то есть полного лингвистического изоморфизма не существует.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА данного исследования связана с попыткой определить ТЗ как многоуровневую лингво-поэтическую структуру, а также с

сопоставительным характером этого феномена на материале русского (как языка-эталона) и немецкого языков.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ исследования состоит в интегративном подходе к ТЗ и выявлении признаков изоморфизма и алломорфизма при ее переводе, вскрываемых в различных переводческих трансформациях.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ диссертации заключается в возможности использования ее результатов при чтении теоретических курсов по текстовой грамматике и поэтике, стилистике, в спецкурсах и практических курсах, посвященных нарратологии и художественному переводу.

АПРОБАЦИЯ ДИССЕРТАЦИИ. Основные положения работы изложены в шести публикациях и представлены в форме докладов на межрегиональных научно-практических конференциях ТюмГУ «Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков» (2002г.) и «Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков и культур» (2005г.), МГУ «Языки в современном мире» (2004г.), УрГПИ «Уральские лингвистические чтения» (2005г.), а также на заседаниях кафедры английского языка факультета романо-германской филологии ТюмГУ.

ОБЪЕМ И СТРУКТУРА. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка использованной литературы (182 наименования: 167 теоретических трудов и 15 словарей и справочных изданий) и шести Приложений. Общий объем диссертационного исследования составляет 190 страниц печатного текста.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** раскрывается актуальность темы, научная новизна проведенного исследования; определяются объект и предмет изучения; выдвигается рабочая гипотеза, формулируются цели и задачи, аргументируются теоретическая и практическая ценность, отмечается апробация работы.

Глава I «Точка Зрения в поэтической структуре нарратива» посвящена рассмотрению основных понятий нарратологии, определению литературного нарратива, поэтической структуры ТЗ, имеющей многоуровневую организацию.

Нарратология – наука о повествовании, берущая начало в первые десятилетия прошлого века и оформившаяся как самостоятельная дисциплина в 60-70-е гг. Интерес к тексту, повествованию развивается во всех социально-гуманитарных сферах, однако, для литературы и лингвистики эта сравнительно новая дисциплина имеет особое значение. Поэтому нарратологию следует понимать в двух смыслах: в широком – как исследующую тенденции и результаты осознания меры нарративности других, нежели филология, областей знания, в узком смысле – как дисциплину, имеющую отношение к литературной теории и к лингвистике.

У истоков нарратологии на стыке этих филологических наук стояли, прежде всего, отечественные лингвисты – В.Я.Пропп, Б.А.Успенский, В.Б.Шкловский, давшие ей толчок к интенсивному развитию за рубежом. Об этом свидетельствуют работы М.Баль, Р.Барта, Ж.Женетта, Я.Линтфелта, Дж.Принса, П.Рикера, Ш.Риммон-Кенан, М.Тулана, С.Чэтмэна, В.Шмида и др. В последнее десятилетие исследования в области нарратологии проводятся и в России, примером тому могут служить труды К.А.Андреевой, И.С.Веселовой, Е.В.Падучевой, В.И.Тюпы. Объект исследования нарратологии – текст-нарратив. Понятие литературного жанра не равно понятию нарратива, так как нарративность – свойство, присущее нарративу – означает способ изложения событий, отличающийся временной и логической последовательностью. Поэтому под **литературным нарративом** мы понимаем текст в письменной форме, относящийся к любому литературному жанру, повествующий об одном или нескольких вымышленных событиях, связанных между собой во времени или логически.

Одним из типов нарратива является исследуемый в настоящей диссертации жанр короткого рассказа, рассматриваемого с позиций нарратологии. Акцент нашей работы направлен на текст короткого рассказа как на особый тип, отличающийся структурно-семантической спецификой. **Короткий рассказ** мы считаем малой эпической прозаической жанровой формой художественной литературы и типом нарратива, последовательно повествующим об

ограниченном количестве событий / ситуаций, расположение которых в тексте тяготеет к хронологическому порядку, и создающим у читателя впечатление целостности.

Нарратив можно изучать по-разному: с позиции грамматики текста или с позиции поэтики. В первом случае нарратив представляет собой инвариантную структуру с выстроенными в определенном порядке компонентами, количество которых ограничено, но, в зависимости от типа сюжета, эта структура может быть модифицирована. Согласно функциональной («бриллиантовой») схеме В.Лабова и Дж.Валетского, структурными элементами нарратива являются: 1. Резюме, 2. Ориентация, 3. Осложнение, 4. Оценка, 5. Решение и 6. Заключение. Основу нарратива образуют функции Осложнение – Решение, которые могут многократно повторяться.

Поэтический подход к нарративу также возможен благодаря тому, что объект настоящего исследования – литературное произведение. Центральным термином здесь является ТЗ. Это понятие введено еще Г.Джеймсом и разрабатывалось такими нарратологами, как Б.А.Успенский, Ж.Женетт, Дж.Принс П.Рикер и др. Обычно ТЗ подразумевает отношение нарратора к повествуемой истории³. Однако, в качестве рабочего определения для нашего исследования нам представляется наиболее подходящей литературоведческая дефиниция Н.Д.Тамарченко, которую мы считаем возможным принять за основу: «**точка зрения** (выделено нами – *Е.Л.*) в литературном произведении — положение «наблюдателя» в изображенном мире (во времени, в пространстве, в социально-идеологической и языковой среде), которое, с одной стороны, определяет его кругозор, с другой — выражает авторскую оценку этого субъекта и его кругозора»⁴.

---

³ Lubbock P. The Craft of Fiction. – New York, 1963.

⁴ Тамарченко Н.Д. Точка зрения // Чернец Л.В., Хализеев В.Е., Бройтман С.Н. и др. Введение в литературоведение: основные понятия и термины: Учебное пособие. М., 1999. С. 430.

Первоначально исследователи рассматривали ее в соответствии с тремя параметрами: (1) **включенность / невключенность повествующей инстанции в повествуемый мир**, (2) **наблюдение объекта ТЗ снаружи / изнутри** и (3) **постоянство / переменность субъекта ТЗ**. Типологии ТЗ, разработанные П.Лаббоком, К.Бруксом и Р.П.Уорреном, В.Шмидом, Н.Фридманом и Ш.Риммон-Кенан можно суммировать в следующей таблице:

Таблица 1

ТЗ в типологиях П.Лаббока, К.Брукса и Р.П.Уоррена, В.Шмида, Н.Фридмана и Ш.Риммон-Кенан

тип нарратора- субъекта ТЗ объект ТЗ	внешний (недиегетический)	внутренний (диегетический)	
		(5) «множественное частичное всезнание»	(6) «частичное всезнание»
снаружи (нарраториальная точка зрения)	(1) автор излагает историю извне («чистая драма» / «драматический модус»)	(2) очевидец излагает историю героя («драматизированный повествователь» / «я как свидетель»)	
		(5) «множественное частичное всезнание»	(6) «частичное всезнание»
изнутри (персональная точка зрения)	(3) автор-аналитик или всеведующий излагает историю («панорамный обзор» / «редакторское» + «нейтральное всезнание»)	(4) герой излагает свою историю («драматизированное сознание» / «я как протагонист»)	

Новый толчок в развитии ТЗ дала модель отечественного исследователя Б.А.Успенского. Новизна его работы состоит, прежде всего, в широком подходе к этой категории, в том, что он рассматривает проявление ТЗ на различных уровнях анализа, в различных планах:

1. в плане оценки (или «идеологии»), где интерес представляет то, «с какой точки зрения (в композиционном смысле) автор в произведении оценивает и идеологически воспринимает изображаемый им мир»⁵;

⁵ Успенский Б.А. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы. М., 1970. – С. 16.

2. в плане фразеологии, когда автор описывает разных героев различными «языками» или использует в том или ином виде элементы чужой или замещенной речи при описании;

3. в плане пространственно-временной характеристики: речь идет о фиксации в пространстве или во времени точки, с которой ведется повествование;

4. в плане психологии: автор строит свое повествование, используя две возможности: вести описание со ссылкой на то или иное индивидуальное сознание, то есть использовать какую-то заведомо субъективную ТЗ, или описывать события, по возможности, объективно⁶.

Все последующие многоуровневые модели ТЗ строились с учетом выделенных Б.А.Успенским планов, что, на наш взгляд, только подтверждает правомерность их вычленения:

Таблица 2

**Уровни ТЗ в теориях Б.А.Успенского, Я.Линтфельта,
Ш.Риммон-Кенан, В.Шмида и П.Х.Торопа**

автор концепции план ТЗ	Б.А. Успен ский	Я.Линт фельт		Ш. Риммон- Кенан	В.Шмид	П.Х.Тороп
1. «оценки» / «идеология»	+	-		+ («идеологическая грань»)	+ («идеологический план»)	-
2. «фразеологии»	+	+ («вербальный план»)		-	+ («языковой план»)	+ («метафизический хронотоп»)
3. «пространственно-временной характеристики»	+	+	+	+ («перцептуальная грань»)	+	+
		«временной план»	«пространственный план»		«временной план»	«пространственный план»
4. «психологии»	+	+ («перцептивно-психологический план»)		+ («психологическая грань»)	+ («перцептивный план»)	+ («психологический хронотоп»)

⁶ Там же, С. 109

В настоящем исследовании, вслед за Б.А.Успенским, мы принимаем широкий подход к категории ТЗ, которую мы считаем **многоуровневой лингво-поэтической структурой**, анализируя следующие ее планы: **временной, пространственный, перцептивный, языковой и «идеологический»**.

В Главе II «Перевод и литературный нарратив. Лингвистическое выражение Точки Зрения» рассматриваются теоретические предпосылки и особенности сопоставления текстов-оригиналов с их переводами в рамках лингво-нарратологического анализа. Сопоставительный анализ текста и его перевода обуславливает необходимость выделения в качестве исходного понятия единицы перевода, которую мы, опираясь на теорию Л.С.Бархударова, определяем как минимальную единицу текста исходного языка, имеющую соответствие в переводящем языке и переводимую как единое целое.

Тем не менее, четкое вычленение критериев точности художественного перевода в специальной литературе отсутствует: одни переводоведы (Л.С.Бархударов, В.Н.Комиссаров и др.) придерживаются принципов «вольного» перевода, так как он, по их мнению, наиболее корректно передает содержание произведения, другие (В.П.Руднев, Э.Маркштайн и др.) – принципов «буквального» перевода: чтобы читатель «почувствовал себя на чужбине». Выбор того или иного типа перевода не влияет на передачу поэтических планов ТЗ нарратива на языке-цели, однако, изменяет ее **лингвистическое выражение**, определяемое нами как отбор и порядок построения языковых элементов в нарративе и являющееся «позицией» создателя произведения. Именно для лингвистического выражения ТЗ важна степень буквальности перевода, так как переводческие трансформации, изменяя языковую оболочку нарратива, по нашему мнению, в большинстве случаев влияют на его восприятие.

В Главе III «Точка Зрения в русском нарративе и его переводе» представлено наше исследование, построенное по следующей схеме. **На первом этапе** исследуется современный нарратив с позиции текстовой грамматики, на

основе функционального анализа В.Лабова и Дж.Валетского, впоследствии дополненного Г.А. ван Дейком. Особое внимание при этом уделяется функции Оценки как непосредственно входящей в ТЗ.

Второй этап работы направлен на выявление ТЗ в оригинальных русских нарративах. ТЗ, как было уже отмечено, вслед за типологиями Б.А.Успенского и В.Шмида, рассматривается нами в пяти планах: временном, пространственном, перцептивном, языковом, «идеологическом».

В результате исследования были определены наиболее распространенные модели ТЗ в современном русском нарративе.

Учитывая предварительные данные сравнения русского нарратива и его перевода, установившие, что поэтическая структура исходного текста в результате перевода не изменяется⁷, на **третьем этапе** исследования мы сопоставляли русские оригинальные нарративы с их переводами на немецкий язык с целью выявления вариативности лингвистического выражения ТЗ в переводах, обусловленной трансформациями. В задачи этого этапа работы входило:

- определение набора переводческих трансформаций, использованных при переводе на морфологическом, синтаксическом и семантико-стилистическом уровнях;
- установление влияния всех выявленных переводческих трансформаций на лингвистическое выражение ТЗ оригинала.

Данные, полученные на **первом этапе** анализа, показали, что функциональная схема В.Лабова и Дж.Валетского, составленная для устного рассказа-нарратива, применима и к анализу наших литературных нарративов. Проанализируем, в соответствии с ней, один из наиболее близких к прототипическим (т.е. близким

---

⁷см. Андреева К.А. Русский нарратив и его перевод в сопоставительном плане // Сопоставительная лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып.1. – Екатеринбург: Уральский гос. педин-т, 2001, С. 5 – 12. и публикацию 1, указанную на С. 25 автореферата.

к идеалу) нарративам рассказ А.Цветкова «Охота». Обратимся к тексту рассказа и его переводу (* в тексте обозначены показатели Оценки):

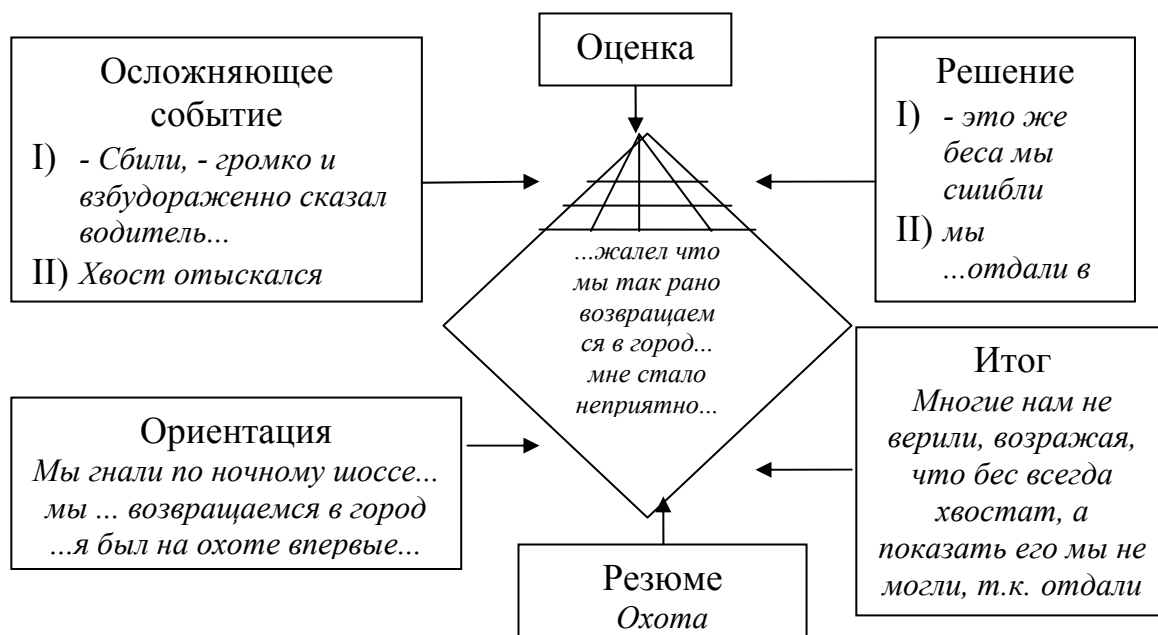
Текст 1

Резюме	Охота	Die Jagd
Ориентация	Мы гнали по ночному шоссе, стрелка доставала уже до 160, я был на охоте впервые и жалел* , что мы так рано возвращаемся в город.	Wir rasten über die nächtliche Landstraße, der Tacho war schon auf 160, ich war zum ersten Mal bei der Jagd gewesen und bedauerte* , daß wir so früh in die Stadt zurückkehrten.
	Вдруг наш водитель чертыхнулся* , нажал на тормоз, потом несколько сдал назад. За миг до этого все мы, как мне казалось, услышали осязтимый удар.	Plötzlich fluchte* unser Fahrer, trat auf die Bremse und setzte ein wenig zurück. Einen Augenblick zuvor hatten wir alle, wie mir schien, einen deutlichen Schlag vernommen.
Осложняющее событие I	- Сбили, - громко и взбудораженно* сказал водитель, - наверное, заяц.	„Den haben wir erwischt“, sagte der Fahrer laut und aufgeregt* , „wahrscheinlich ein Hase.“
	<p>В свете фар он был хорошо виден, умирающий дрожащий ком* и окружающая лужа. Мы все вышли и светанули фонарем. Охота, похоже, еще не кончилась – помню, подумал я, и кто-то из нас засмеялся, будто бы поймав мои мысли.</p> <p>Это был не заяц, когда мы взяли его на руки, он был уже мертв, весь в крови с расплющенной мордой. На башке*, прямо из скользкой короткой шерсти торчали небольшие, как у молодого теленка, рожки*. Мордочка, как я уже говорил, неразборчива из-за крови. Кровь эта пахла резко и неприятно, как скорее могла бы пахнуть моча зверя*. Ручки, или передние лапы, слабенькие и декоративные*, как у динозавров с картинок, задние сильные, как у кенгуру и заканчиваются раздвоенными копытами.</p> <p>Этот некошерный зверек* был, точно, не больше зайца, на животе сосцы, гениталий я не рассмотрел, а интересоваться при всех не стал, постеснялся.</p>	<p>Im Licht der Scheinwerfer war er gut zu sehen, ein sterbendes, zuckendes Bündel* mitten in einer Pfütze. Wir stiegen alle aus und leuchteten mit der Taschenlampe. Offenbar ist die Jagd noch nicht zu Ende, fuhr es mir durch den Kopf, und ich weiß noch, wie einer von uns auflachte, als habe er meine Gedanken gelesen.</p> <p>Es war kein Hase, Als wir ihn aufhoben, war er schon tot, voller Blut, die Schnauze plattgedrückt. Auf dem Schädel ragten kleine Hörner direkt aus dem glatten, kurzen Fell, wie bei einem jungen Kalb. Das Gesicht war, wie ich schon sagte, wegen des Blutes schlecht zu erkennen. Dieses Blut roch scharf und unangenehm, so roch eher der Urin eines Tieres*. Die Hände - oder Vorderpfoten - waren schwach und eher dekorativ, wie bei den Dinosauriern auf den Bildern, die hinteren kräftig wie bei einem Känguruh, mit gespaltenen Hufen am Ende. Dieses unkoschere Tierchen* war tatsächlich nicht größer als ein Hase, auf dem Bauch hatte es Zitzen, die Genitalien schaute ich mir nicht an - es war mir peinlich vor den anderen.</p>

Решение I	- Бес, - сказал наш водитель, - <u>это же беса мы шибли</u> , - говорил он, держа <u>бездыханного беса за шкуру*</u> над головой и показывая всем.	„Ein Dämon“, sagte unser Fahrer, „ <u>einen Dämon haben wir da erwischt</u> “, sagte er, und hielt <u>den leblosen Körper*</u> an der Nackenhaut fest und zeigte ihn allen.
	Помню, мне стало неприятно* , что он говорит именно «бес», а не «черт», более принятое в наших краях.	Ich weiß noch, ich fand es als unangenehm* , daß er „Dämon“ sagte und nicht „Teufel“, wie in unserer Gegend üblich.
Осложняющее событие II	Хвост отыскан позже.	Der Schwanz fand sich später.
Итог	<u>Многие нам не верили</u> , возражая, что бес всегда хвостат, а показать его мы не могли,	<u>Viele glaubten uns damals nicht</u> , wandten ein, ein Dämon sei immer geschwänzt, und herzeigen konnten wir ihn nicht mehr,
Решение II	т.к. <u>отдали в институт на исследование</u> .	da wir ihn <u>zur Untersuchung ins Institut gegeben hatten</u> .
	Хвост, оказывается, намотался возле заднего колеса, и его водитель нашел уже в гараже, да так у себя и оставил. Этот хвост покрыт роговыми кольцами, как у крысы*, но и мелкими, редкими жесткими волосиками* оброс, похожими на тонкую медную нить.	Der Schwanz hatte sich, wie sich herausstellte, an einem der Hinterräder aufgerollt, der Fahrer hatte ich erst in der Garage entdeckt und dann bei sich behalten. Dieser Schwanz ist mit Schuppenringen bedeckt wie der einer Ratte* , aber auch vereinzelt mit kleinen, steifen Härchen* bewachsen, die aussehen wie feiner Kupferdraht.

Для наглядности анализа представим его в функциональной схеме:

Схема рассказа А.Цветкова «Охота»

Рассказ А.Цветкова «Охота» состоит из двух эпизодов, поэтому ядерная структура «Осложнение – Решение» реализуется здесь дважды. Причем после каждого эпизода следует описание: 1) описание сбитого зверька, 2) описание его хвоста.

Итог рассказа представлен не в конце текста, а в начале последнего абзаца, а Резюме – в заголовке.

В анализируемом произведении мы имеем дело с двумя Голосами: основным (главного героя-нарратора) и второстепенным (водителя).

Нарратив «продвигают» акциональные глаголы в форме прошедшего времени: *знали, нажал [на тормоз], сдал [назад], выжили, светанули, отыскался, отдали, намотался, нашел, оставил*, в переводе им соответствуют глаголы в претеритум и плюсквамперфект: *rasten, zurückkehrten, trat [auf die Bremse], setzte zurück, stiegen aus, leuchteten, fand sich, [zur Untersuchung ins Institut] gegeben hatten, hatte sich, aufgerollt, hatte entdeckt, behalten*.

Особенностью этого текста, является то, что хотя в нем и присутствует Оценка, она относится лишь к отдельным деталям – самому зверьку или высказываниям водителя, – а не ко всему произошедшему в целом. Данное обстоятельство свидетельствует о неполной реализации этого компонента функциональной схемы прототипичного нарратива.

В большинстве других исследуемых рассказов элементы этой схемы либо имеют редуцированную форму, либо не реализуются вообще: в них может быть нечетко выражен Итог (см. напр., «Чистый вой», «Старик и кошка» Г.Балла, «Непрерывный ветер» В.Сосноры и др.), отсутствовать Резюме (см. напр., некоторые рассказы Л.Горалик из цикла «Жизнь неживотных» и др.) или акциональные глаголы, продвигающие нарратив (см. напр., «Поп и банкир» В.Тучкова, рассказы А.Уланова и др.). В этом, на наш взгляд, выражается так называемая «нарративная маргинальность» постмодернистских произведений, о которой говорит М.-Л.Райан⁸.

---

⁸ Ryan L.M. // <http://lamar.colostate.edu/~pwryan/narrentry.htm>. 2004.

Отсюда следует вывод, что современный короткий рассказ представляет собой нарратив с ограниченно реализующейся нарративной схемой.

На **втором этапе** анализа поэтической структуры ТЗ в современном русском нарративе мы выделили следующие параметры ее планов:

1) временной план:

- постоянный: (акт наррации совпадает с совершением событий / акт наррации происходит после совершения событий),
- непостоянный: (воспоминания сменяют описание жизни героя в настоящее время; события, совпадающие с моментом наррации, прерываются воспоминаниями / чередуются с воспоминаниями и описанием жизни героя в настоящее время / прерываются мыслями о будущем);

2) пространственный план:

- постоянный,
- непостоянный,
- отсутствие пространственной определенности;

3) перцептивный план

- события воспринимаются с позиции «всеведущего»,
- события воспринимаются с позиции «наблюдателя извне»,
- события воспринимаются с позиции героя;

4) языковой план:

- события повествуются «всеведущим»,
- события повествуются «наблюдателем извне»,
- события повествуются героем;

5) «идеологический» план:

- события оцениваются «всеведущим»,
  - события оцениваются «наблюдателем извне»,
  - события оцениваются героем,
  - события оцениваются героем + «всеведущим»,
  - события оцениваются героем + «наблюдателем извне».
- } положительно
нейтрально
отрицательно

Следует подчеркнуть, что «идеологический» план ТЗ накладывается на компонент функциональной схемы «Оценка», образуя особый пункт

пересечения поэтической и текстограмматической структур нарратива. Вслед за Н.Д.Арутюновой и Е.М.Вольф, под оценкой мы понимаем «модальную рамку, включающую ... субъект оценки, объект оценки, аксиологический предикат, сам оценочный элемент ... оценочный стереотип и шкалу оценок»⁹. Поэтому важную роль для нашего исследования играет и «качество» оценки, которая может располагаться по шкале от «плюса» до «минуса» и включает в себя «нейтральную» зону (+ / 0 / -).

В результате анализа были выявлены четыре основные модели ТЗ современных русских нарративов:

Таблица 3

Модели ТЗ современных русских нарративов

планы мо дели ТЗ	ТЗ	временной	пространственный	перцептивный	языковой	идеологический (+ / 0 / -)	количество нарративов в %
I.	а)	постоянный	постоянный	герой			25,8
	б)	непостоянный	непостоянный/ отсутствие простр. определенности				12,9
	в)	непостоянный	постоянный				6,5
							45,2
II.	а)	постоянный	непостоянный	герой	«все ведущий»	«все ведущий» + герой / герой	19,4
	б)	непостоянный	постоянный				6,5
							25,9
III.		постоянный	постоянный	«наблюдатель извне»		«наблюдатель извне» / наблюда тель извне» + герой	16
IV.		постоянный	постоянный/ отсутствие простр. определенности	«всеведущий»		«всеведущий» / «всеведущий» + герой	12,9

Из табл.3 следует, что наиболее типичной в жанре современного русского короткого рассказа является модель ТЗ I а). Данная схема представлена, например, в уже рассмотренном нами с позиции грамматики нарратива рассказе А.Цветкова «Охота»:

⁹ Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 203.

временной план: *ночь (по ночному шоссе); позже*
пространственный план: *наши края; шоссе по направлению в город; гараж*
перцептивный план:

Герой описывает себя как объект ТЗ изнутри:

*я ... жалел; как мне казалось; помню, подумал я;
я ... постеснялся*

Герой описывает другие объекты ТЗ снаружи:

Помню, мне стало неприятно; наш водитель чертыхнулся, нажал на тормоз, потом несколько сдал назад; сказал водитель; он был хорошо виден; он был уже мертв, весь в крови с расплющенной мордой. На башке, прямо из скользкой короткой шерсти торчали небольшие, как у молодого теленка, рожки. Мордочка, ..., неразборчива из-за крови. Ручки, или передние лапы, слабенькие и декоративные, как у динозавров с картинок, задние сильные, как у кенгуру и заканчиваются раздвоенными копытами; говорил он, держа бездыханного беса за шкурку над головой и показывая всем; Хвост, оказывается, намотался возле заднего колеса, и его водитель нашел уже в гараже, да так у себя и оставил. Этот хвост покрыт роговыми кольцами, как у крысы, но и мелкими, редкими жесткими волосиками оброс, похожими на тонкую медную нить.

языковой план: *Мы гнали; я ... жалел; мы ... возвращаемся; наш водитель; все мы, как мне казалось, услышали ощутимый удар; Мы все вышли; помню, подумал я, и кто-то из нас засмеялся, будто бы поймав мои мысли; как я уже говорил; я не рассмотрел; Помню, мне стало неприятно, что он говорит именно «бес», а не «черт», более принятое в наших краях; Многие нам не верили; показать его мы не могли*

«идеологический» план: *я ... жалел; чертыхнулся; громко и взбудораженно сказал водитель; дрожащий ком; небольшие, как у молодого теленка, рожки; Кровь эта пахла резко и неприятно, как скорее могла бы пахнуть моча зверя; Ручки ... слабенькие и декоративные, как у динозавров с картинок, задние сильные, как у кенгуру; некошерный зверек; бездыханного беса; мне стало неприятно; покрыт роговыми кольцами, как у крысы, но и мелкими, редкими жесткими волосиками оброс, похожими на тонкую медную нить.*

Как показывает анализ, действия нарратива происходят ночью и позже, место действия – шоссе, ведущее в город, затем – гараж, оба указанных пространственных ориентира относятся к нашим краям. Таким образом, **временной и пространственный планы** рассказа постоянны, но момент наррации не совпадает со временем совершения повествуемых событий, которые даются в ретроспекции, о чем свидетельствуют лексические маркеры: *помню* (2 раза) и *оказывается*.

События излагаются с позиции главного героя, то есть **в перцептивном плане** именно герой является фокализатором. Это подтверждает тот факт, что становясь объектом ТЗ, герой описывается изнутри, а все другие ее объекты – снаружи.

Языковой план: нарратор в рассказе – герой, поскольку повествование ведется от первого лица.

«Идеологический» план: оценку событиям дает сам герой, причем в отношении сбитого зверька она носит двойственный характер: с одной стороны, это **жалость** (*умирающий дрожащий ком, мордочка, ручки слабенькие и декоративные, зверек*), с другой – чувство, граничащее с **отвращением**, вызванное сходством животного с представителями нечистой силы (*Кровь эта пахла резко и неприятно, как скорее могла бы пахнуть моча зверя. Этот хвост покрыт роговыми кольцами, как у крысы*). Оба оценочных элемента расположены в «минусовой» зоне шкалы оценок. Оценка выражается в тексте на различных языковых уровнях:

а) словообразовательном: уменьшительные и уменьшительно-ласкательные суффиксы (*рожки, мордочка, ручки, слабенькие, зверек, волосиками*);

б) лексическом: лексемы с оценочным значением (*жалел, взбудораженно, умирающий дрожащий ком, резко и неприятно, некошерный, бездыханного беса, [мне стало] неприятно*);

в) стилистическом: стилистически маркированные слова (*знали, чертыхнулся, на башке, за шкуру*), а также сравнения (*небольшие, как у молодого теленка, рожки; как скорее могла бы пахнуть моча зверя; как у крысы*).

Таким образом, модель ТЗ рассказа А.Цветкова «Охота» имеет постоянный временной и пространственный планы, события произведения воспринимаются, повествуются и отрицательно оцениваются героем.

Третий этап. С целью определения вариативности лингвистического выражения ТЗ при переводе были исследованы 44 русских нарратива в сопоставлении с их переводами на немецкий язык. Были выявлены и проанализированы 2053 переводческие трансформации: 191 (9,3%) морфологическая, 1651 (80,4%) синтаксическая и 211 (10,3%) семантико-стилистических.

Все типы переводческих трансформаций способны деформировать лингвистическое выражение ТЗ нарратива-перевода. Их влияние проявляется в следующих типах изменений:

- добавление / усечение значения,
- усиление / ослабление значения,
- замена одного значения другим.

Тем не менее, переводческие трансформации не всегда влияют на лингвистическое выражение ТЗ: в 25% рассмотренных случаев наблюдаются «пустые» переводческие смещения. Чаще всего они обнаруживаются на синтаксическом уровне при изменении порядка слов предложения (75,8%).

Проиллюстрируем переводческие трансформации и их влияние на лингвистическое выражение ТЗ нарратива на примере анализа одного русского короткого рассказа и его перевода на немецкий язык. Обратимся к рассказу В.Тучкова «Поп и банкир»:

Текст 2

*Пришел банкир в церковь и ну поклоны бить!
Увидал это дело поп и спрашивает:*

*«Почто, сын мой, столь усердно молишься?»
Банкир отвечает: «Сильно грешен я,
батюшка. Хочу у Бога прощенья вымолить».*

- *А в чем же твой грех?*
- *Я у людей деньги беру, а обратно им их не возвращаю.*
- *Да в чем же тут грех-то, сын мой? Я тоже у людей деньги беру, а взамен даю им надежду. То же и ты. Я – пастырь духовный, а ты – пастырь финансовый.*

Einmal kam ein Bankier in die Kirche – und hörte nicht mehr auf, sich zu verbeugen und zu bekreuzigen! Dies erblickte ein Pope und fragte: „Warum, mein Sohn; betest du so inbrünstig?“ Der Bankier antwortete: „Ich habe tief gesündigt, Väterchen. Ich will Gott um Vergebung bitten.“ „Welches ist denn deine Sünde?“ „Ich nehme von den Menschen Geld und gebe es ihnen nicht zurück.“ „Aber was ist denn daran Sünde, mein Sohn? Auch ich nehme von den Menschen Geld und gebe ihnen dafür Hoffnung. Und dasselbe tust du. Ich bin der geistliche Hirte, und du der finanzielle.“

Как показывает анализ, в переводе только этого рассказа наличествуют 26 лингвистических изменений – трансформаций: 2 (7,7%) морфологических, 19 (73,1%) синтаксических и 5 (19,2%) семантико-стилистических. Приведем несколько примеров:

1. морфологический уровень:

- *Увидал это дело поп и спрашивает* → *Dies erblickte ein Pope und fragte*

(настоящее время → прошедшее: лишение событий актуализации, образности);

2. синтаксический уровень:

- сын мой → mein Sohn (изменение порядка слов: элиминация «разговорности»),
- *То же и ты* → *Und dasselbe tust du* (добавление предиката: динамизация + элиминация небрежности разговорного стиля);

3. семантический уровень:

- *батюшка* → *Väterchen* (полное несоответствие лексического значения: неточность фактуальной информации);

4. стилистический уровень:

- *Почто* → *Warum* (изменение стиля: нейтрализация разговорного стиля).

Две трансформации (7,7%) не оказывают влияния на лингвистическое выражение ТЗ нарратива:

- «*Почто, сын мой, столь усердно молишься?*» → „*Warum, mein Sohn, betest du so inbrünstig?*“ (сдвиг предиката),
- *Я у людей деньги беру* → *Auch ich nehme von den Menschen Geld* (сдвиг субъекта).

Остальные 24 трансформации (92,3%) изменяют лингвистическое выражение ТЗ нарратива.

Перевод рассказа «Поп и банкир» имеет более строгую, «правильную» языковую форму, но при этом, как свидетельствует большинство трансформаций, изменяется стиль наррации: эффект небрежности разговорного языка практически полностью редуцируется. Кроме того, перевод этого нарратива является более динамизированным, чем оригинал; события, представленные в исходном тексте как «приближенные» к читателю за счет употребления глагольных форм настоящего времени, «отдаляются» от него. В некоторых случаях фактуальная информация представлена в выходном тексте

неточно, а смена акцентов выделяет иные, нежели в оригинале, элементы нарратива.

В каждом из 44 проанализированных нарративов-переводов присутствуют переводческие трансформации всех рассматриваемых в работе уровней, большинство из которых изменяют лингвистическое выражение ТЗ нарратива-оригинала, поэтому не представляется реальным, чтобы читатель выходного текста воспринял нарратив со стопроцентной адекватностью.

Наиболее значимые результаты нашей диссертационной работы, представленные в **Заключении**, следующие.

Точка Зрения является многоуровневой лингво-поэтической структурой, включающей пять поэтических планов – временной, пространственный, перцептивный, языковой и «идеологический». Свое выражение она находит в лингвистическом, языковом оформлении нарратива. Точку Зрения можно представить как позицию одного или нескольких «наблюдателей» происходящего в мире текста, находящихся внутри него или за его пределами. При этом время и место «наблюдения» могут быть как постоянными, так и непостоянными; как совпадать, так и не совпадать со временем и местом совершения событий произведения или же характеризоваться отсутствием своей определенности. История представлена через призму восприятия «наблюдателем/-лями» объектов «наблюдения», «видимых» им/ими снаружи или/и изнутри, в зависимости от возможностей самого/-мих «наблюдателя/-лей». Данное восприятие получает в тексте вербальную оболочку, причем «автором/-рами» этого языкового оформления обязательно должен/-жны быть сам/-ми «наблюдатель/-ли»: в качестве субъекта/-ов речи может/-гут выступать и другой/-гие участник/-ки коммуникации в нарративе. Восприятие всегда сопровождается оценкой, которая, в свою очередь, также может либо характеризовать отношение к повествуемому уже упомянутых субъектов Точки Зрения в других ее планах, либо принадлежать третьим участникам коммуникации. В состав оценки входят аксиологический и эмоциональный

компоненты, а ее ядром является первый из них, включающий положительное (+) / нейтральное (0) / отрицательное (–) отношение к событиям.

Наиболее типичная модель ТЗ в современных русских коротких рассказах имеет постоянные временной и пространственный планы, а субъектом восприятия событий, наррации и оценки (в соответствии со шкалой субъективной модальности) является главный герой произведения.

Частный вывод исследования свидетельствует о так называемой «маргинальности» постмодернистских рассказов в отношении неполноты передаваемых ими нарративных функций.

Наблюдаемый изоморфизм поэтических планов ТЗ в оригинальных нарративах и их переводах сочетается с вариативностью лингвистического выражения данной категории в выходных текстах на морфологическом, синтаксическом и семантико-стилистическом уровнях, что подтверждает выдвинутую нами гипотезу. Другими словами, лингвистическое выражение ТЗ в исходном произведении и в его переводе алломорфны. В большинстве случаев вторичный текст отличается от первичного стилистической нейтральностью и иным «расставлением акцентов» (тема-рематической схемой), что, безусловно, искажает позицию создателя оригинального рассказа, сохранение которой заключается именно в корректной трансформации лингвистического выражения Точки Зрения в нарративе переводящего языка.

Вследствие расхождения языковых картин мира разных народов и различного восприятия действительности (в том числе и текстов) абсолютно адекватная читательская реакция на нарратив, порожденный другой культурой, очевидно, невозможна.

Основное содержание исследования отражают четыре схемы и семь таблиц в тексте работы и шесть **Приложений** в виде Списка Сокращений и тринадцати таблиц.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В
СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ АВТОРА:

1. Леонтьева Е.А., Андреева К.А. Нарратив И.А.Бунина (сопоставительный анализ текста оригинала и его перевода на немецкий язык) // Коммуникация и язык. Сб. статей преподавателей и аспирантов факультета романо-германской филологии. Тюмень: Издательский центр «Академия», 2002. – С. 58 – 66.
2. Леонтьева Е.А. Структура нарратива // Электронный журнал «Language and Literature», Вып. №21. – <http://www.utmn.ru/frgf/No21journal.htm>. – 9 с.
3. Леонтьева Е.А. Влияние переводческих трансформаций на языковую точку зрения в нарративе // Вестник Тюменского государственного университета. - № 2/2005. – Тюмень, 2005. – 10 с.
4. Леонтьева Е.А. Морфологические трансформации и их влияние на языковую точку зрения в нарративе // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков и культур. Сб. статей преподавателей и аспирантов факультета романо-германской филологии. Тюмень, 2005. – 6 с.
5. Леонтьева Е.А. Синтаксические трансформации и их влияние на языковую точку зрения в нарративе // Сопоставительная лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып.5. – Екатеринбург: Уральский гос. педин-т, 2005. – 5 с.
6. Леонтьева Е.А. Переводческие трансформации семантико-стилистического уровня и их влияние на языковую точку зрения в нарративе // Актуальные проблемы лингвистики: Уральские лингвистические чтения – 2005: Материалы ежегодной региональной научной конференции, Екатеринбург, 1 – 2 февраля 2005г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – №18. – 1 с.